

Научная статья
УДК 94(47).084.5-6
DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-40-50
Шифр научной специальности 5.6.1.

**ВЛАСТЬ И ВЕРУЮЩИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-1930 ГГ.
В КОНТЕКСТЕ ЛОКАЛЬНОГО ПОДХОДА**

Владимир Александрович Сомов , Геннадий Валентинович Егоров¹

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23;
Приволжский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
603022, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, д. 17а
[✉ \[somoff33@yandex.ru\]\(mailto:somoff33@yandex.ru\)](mailto:somoff33@yandex.ru)

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад авторов: нераздельное соавторство.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Аннотация

Авторы обращают внимание на необходимость беспристрастного научного анализа проблемы взаимоотношения власти и верующих в советской России в предвоенный период (1917-1941 гг.). Актуальность такой постановки вопроса обусловлена не преодоленной до конца тенденциозностью в отношении оценок исторической роли участников этого процесса. Применение локального подхода к изучению проблемы позволяет сузить территориальные, временные и проблемные рамки исследования и несколько скорректировать устоявшиеся историографические определения. В результате становится очевидным, что советская власть не ставила задачей физическое истребление всех верующих. Усиление репрессии против верующих было обусловлено несовместимостью мировоззренческих установок революционной власти с традиционным консервативным укладом старшего поколения и лишь в случае деструктивной активизации последних – политическими причинами. В статье показано, что к концу 1930-х гг. советской власти не удалось существенно снизить религиозность населения. Более того, парадоксальным образом она диалектически интегрировалась в традиционную модель поведения советского человека, что нашло яркое проявление в годы Великой Отечественной войны. Многочисленные примеры героического сопротивления и отстаивания независимости Родины перед лицом фашистской агрессии можно рассматривать в качестве реального воплощения в сознании населения традиционной поведенческой мотивации, которая синтезировала и религиозные, и рациональные аспекты.

Ключевые слова: Советская Россия, власть и верующие, локальный подход

¹ © Сомов В.А., Егоров Г.В., 2026, Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0

POWER AND BELIEVERS IN SOVIET RUSSIA IN THE 1920-1930S IN THE CONTEXT OF A LOCAL APPROACH

Vladimir. A. Somov , Gennady V. Egorov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation;

Volga Region branch of the Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
17a Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation

✉ somoff33@yandex.ru

Abstract

The authors draw attention to the need for an impartial scientific analysis of the relationship between the authorities and believers in Soviet Russia in the pre-war period (1917-1941). The relevance of this approach is due to the persistent bias in assessing the historical role of the participants in this process. Applying a local approach to studying the problem allows us to narrow the territorial, temporal, and problematic scope of the study and to adjust established historiographic definitions. As a result, it becomes clear that the Soviet government did not aim to physically exterminate all believers. The intensification of repression against believers was due to the incompatibility of the revolutionary authorities' ideological principles with the traditional conservative way of life of the older generation, and only in the case of the latter's destructive activation – for political reasons. The article demonstrates that by the late 1930s, the Soviet government had failed to significantly reduce the religiosity of the population. Moreover, paradoxically, it dialectically integrated into the traditional model of Soviet behavior, which found vivid expression during the Great Patriotic War. Numerous examples of heroic resistance and defense of the Motherland's independence in the face of fascist aggression can be seen as a tangible embodiment in the population's consciousness of traditional behavioral motivations, which synthesized both religious, and rational aspects.

Keywords: Soviet Russia, power and believers, local approach

Современная историография государственно-церковных отношений в России XX века находится на этапе переосмысления сложного многофакторного процесса секуляризации общественных отношений и роли в этом процессе Советского государства. Определяющий вектор научных исследований выражен в критической оценке советской власти и коммунистической идеологии как инструментов «демонстража» традиционной религиозной основы российского государства. Эта тенденция наиболее ярко отражена в работах О.Ю. Васильевой [3], И.Б. Орлова [21], И.Б. Янушевича [27] и др. Нельзя не отметить и наличие более взвешенного и вдумчивого взгляда на проблему, который, в частности, нашел воплощение в работах Р.В. Ильязовой [5], Н.И. Музафаровой [9] и др. Стремление к научному консенсусу диктует необходимость отказа от однозначной оценки нашей общей биографии непростого XX века как результата «происков», «гонений», «несправедливости», «предательства», «влияния извне» и т.п. Только абстрагируясь от взаимных обвинений

и пытаюсь описать происходившее по принципу «что было, то было», не вдаваясь при этом в политические, юридические или богословские аспекты проблемы, которые достаточно подробно и профессионально описаны в значительном количестве специальной литературы, можно достичь новых научных, хоть и не лишенных определенной субъективности¹, выводов. Этому также должно способствовать применение локального подхода к изучению проблемы, который характеризуется территориальным и хронологическим сужением объекта научного анализа до изучения предметов и факторов *повседневного* бытования субъекта исторического процесса – человека. Один из «первопроходцев» локального метода С.И. Архангельский ещё в 1929 г. отмечал: «не в государственных формах, а в особенностях народного духа надо искать ключ к разгадке исторических законов» [2, с. 435] (здесь и далее курсив наш –

¹ «Иных чувств, как человеческих, т.е. «субъективных», – ибо мы рассуждаем с точки зрения человека, а не лешего, – не бывает» [8, с. 113].

авт.). Локальный подход, таким образом, тесно связан с *историко-антропологической* парадигмой исследования, которая в качестве главной задачи предполагает историческую реконструкцию всего многообразия интеллектуальной и материальной деятельности человека. Одним из способов исторической реконструкции интеллектуальной сферы является когнитивная (понимающая) история [7]. В отношении религиозного сознания сделать это особенно непросто, поскольку оно, по понятным причинам, слабо отражено в источниках. Поэтому в данной статье в качестве источников используются материалы официального происхождения, которые, тем не менее, способны стать основой для необходимых выводов.

Рассматриваемый период начинается с Октябрьской революции 1917 г., которую представители и иерархи основных религиозных направлений восприняли, в целом, негативно. Более того, по мере установления советской власти консервативное сознание населения с трудом мирилось с кардинальными преобразованиями в общественной жизни. Попросту говоря, советская власть не нравилась представителям, прежде всего, старшего поколения, привыкшим к традиционному укладу. Сельское взрослое население, в силу, в том числе, низкого уровня грамотности и образования, не просто не воспринимало новую «безбожную» мораль, но и связывало с ней все бедствия, свалившиеся на уставшие плечи российской деревни. Вот интересная выдержка из доклада Провинциального отдела Нижегородского губернского Исполнительного комитета от 13 июня 1918 г.: «Начиная с февраля месяца и до последнего времени, когда стал особенно чувствоваться голод в деревне, работа в провинции по укреплению советской власти шла гигантскими шагами. Тогда можно было смело сказать, что вся деревня стояла за Советами. Деревенские кулачки, попики и контрреволюционеры попрятались по углам... Картина резко изменилась с начала весны. Буквальная голодовка раскалила фундамент советской власти в деревне, так называемая «спекуляция на голоде» правых элементов и контрреволюционная агитация попов способствовали сдвигу масс вправо и развитию не-

приязни к советской власти. Начались повальные походы на Советы...» [19, с. 45–46].

Несмотря на то что юридически советское государство декларировало свободу совести и вероисповедания [16], на практике с августа 1918 г. начинается активная фаза антирелигиозной кампании [13; 15; 17]. Советская власть не ставила задачу безусловного физического истребления всех верующих. Речь шла, главным образом, о борьбе с религией как мировоззрением, то есть в качестве методов в перспективе рассматривались образование, агитация и пропаганда. Но на практике ситуация часто обострялась по причине того, что властные постановления реализовывались людьми, далекими от образа «идеального большевика», да и действия некоторых верующих иногда принимали характер «контрреволюционного саботажа». Например, по данным Нижегородского ГубЧК в октябре 1920 г. в Макарьевском уезде отмечалось негативное отношение духовенства к советской власти и коммунистической партии [19, с. 102]. В Семеновском уезде «священник Николай Золотов в селе Рожнове на мельнице среди массы народа агитировал против советской власти» [Там же]. Священник был арестован, началось следствие. В Лукояновском уезде открытой антисоветской агитации отмечено не было, кроме отдельных эпизодов. Например, дело священника города Починок Веселова, «у которого найдена переписка контрреволюционного характера» или дело священника Лебединского из села Никулино, «которым был зарыт в землю мед и хлеб» [19, с. 102–103].

5 августа 1918 г. постановлением Нижегородского Губисполкома был создан губернский отдел по национальным делам. Такие отделы создавались в местностях РСФСР, отличавшихся различным национальным составом. В 1919 г. отдел имел 4 подотдела: мусульманский, еврейский, латышский и польский. Организованная работа по разъяснению политики советской власти среди мусульман Нижегородской губернии имела перспективу в виде созыва съезда мусульманского духовенства осенью 1920 г., но натолкнулась на противодействие губернского руководства, которое усмотрело в желании созвать съезд «реабилитацию» духовенства в глазах общественности. В инструктивном письме отдела нацмень-

шинств при Нижгубкоме РКП (б) нацотделу Сергачского уездного комитета партии 21 сентября 1920 г. говорилось: «Нас крайне удивляет Ваше намерение созвать съезд мусульманского духовенства, в целях разъяснения массам... Для всех должно быть ясно, что одним только созывом партийной организацией духовенства на съезд вы придаете им еще большую силу и вес перед беспартийными массами, которые ясно видят в факте приглашения духовенства на съезд и обмена мнениями с ними, что мы сами признаем за духовенством огромное влияние на массы в качестве ее вождей» [19, с. 107]. Очевидно, что религиозность и приверженность традиционному укладу взрослого населения была реальной проблемой для власти именно в силу политических причин. В результате созыв съезда был приостановлен, а местному отделу по делам национальностей было рекомендовано проводить лекции и беседы с местным населением, чтобы «привить» им «правильное понимание вопросов о религии вообще и духовенства в частности» [Там же]. Главной целью здесь было блокирование возможности трансформации религиозных настроений в политически обусловленные действия со стороны верующих. Применение насилия в массовом порядке по возможности исключалось. В противном случае существование советской власти было бы непродолжительным.

Начало 1920-х годов – переломное время, «борьба эпох». Новое мировоззрение, связанное отнюдь не только с советской властью, но и с общемировыми тенденциями рационализма, технологизации, развития науки и просвещения постепенно занимало умы молодежи, вытесняя религиозное мировоззрение. В то же время представители старшего поколения продолжали усматривать в антирелигиозной политике власти причины бед и неурядиц. В период Гражданской войны и сразу после ее окончания определенная часть духовенства и верующих были враждебно настроены по отношению к советской власти [25]. В циркулярном письме Нижегородской ГубЧК от 21 января 1921 г. отмечалось: «Текущие события последних дней, выразившиеся целым рядом забастовок, волнений среди рабочих заводов в Советской России лишней раз подтверждают

неутомимую работу правых антисоветских партий и духовенства, которые ведут злостную агитацию среди рабочих масс в городе и среди крестьян в деревне» [19, с. 150]. В результате Нижегородская ГубЧК постановила подготовиться к борьбе с правыми партиями и духовенством путем усиления надзора за действиями последних. Все епископы и иерархи монастырей были обязаны дать подписку о невыезде [Там же].

Весной 1921 г. Нижегородской ЧК «ввиду того, что за последнее время духовенство усиленно старается привлечь на свою сторону отшатнувшиеся темные крестьянские массы и с этой целью устраивает религиозные собрания, где зачастую ведет крайне осторожную контрреволюционную работу» [19, с. 173], был ликвидирован Епархиальный совет, закрыта канцелярия епископа, пастырская школа. У всех священнослужителей были взяты подписки о невыезде за пределы губернии без разрешения ЧК. По всей губернии было сделано распоряжение «о закрытии и сокращении преподавания Закона Божия в школе детям, не достигшим 18-летнего возраста», а также «усилена репрессия над духовенством без различия вероисповедания» [Там же]. Кроме этого, была дана установка не допускать собраний духовенства, идущих «вразрез с политикой советской власти» [Там же].

«Усиливая репрессию» в отношении служителей церкви, власть, очевидно, не могла проводить аналогичные действия против всех верующих, которые имелись, в том числе, среди коммунистов. Такая двойственность выразилась, в частности, в отношении к праздникам как к коллективному символическому действию. Проще говоря, даже коммунисты (особенно возрастные), не говоря уже о «рядовых гражданах», в первые годы советской власти не могли резко отказаться от религиозной традиции и помимо государственных, отмечали еще и религиозные праздники². Праздники, установленные новой

² Небезынтересным в этом отношении можно считать Постановление Совета Труда и Оборона от 20 апреля 1921 г., согласно которому на время пасхальных каникул Народному Комиссариату Путей Сообщения предлагалось «обеспечить проезд студентов туда и обратно, но с тем, чтобы проезд этот совершался не за счет отпускаемых рабочих» [18, с. 309].

властью, еще не связывались в массовом сознании с чем-то дорогим и достойным особого почитания. С нескрываемым недоумением некто «тов. Воскресенский» в письме в редакцию газеты «Нижегородская Коммуна» интересовался «Правда ли это?». 24 апреля 1921 г. он пришел в почтово-телеграфное отделение на Б. Печерской, чтобы дать срочную телеграмму. Там он увидел молодого человека, занимающегося чинкой сапог, который ему «любезно сообщил, что, несмотря на то, что на двери и висит объявление о приеме телеграмм в течение круглых суток, его телеграмму он не примет, так как мол, заболел экспедитор, а остальные сотрудники, ввиду вербного воскресенья, на службу не явились» [11, с. 2]. А некто «гр. Коровин» писал, что «наряду с ненормальными явлениями стоит часто наблюдающаяся религиозность членов партии, выражающаяся в посещении церковных служений, участии в обрядах венчания, крещения и даже в вере в «чудеса», в которые не верят уже и большинство беспартийных» [12, с. 2].

По иронии судьбы в 1921 году один из государственных праздников совпал с Великим днем для православных верующих. 1 мая – Пасха. В связи с этим в «Нижегородской Коммуне» появляется публикация, дублирующая циркуляр ЦК РКП от 8 апреля 1921 г., который был подписан Е. Ярославским [14]. В «нижегородском» варианте рекомендации циркуляра были изложены следующим образом: «Так как Пасха в этом году совпадает с 1 мая – необходимо разъяснить на митингах различие между церковным праздником – Пасхой и революционным международным праздником пролетариата – 1 мая. *Нужно при этом остерегаться оскорбления религиозных чувств верующих*» [10, с. 1].

Опасения партийных руководителей не были беспочвенными. Засушливое лето 1921 года стало еще одним толчком к политизации религиозного сознания в губернии. Характерна выдержка из отчета Выксунского комитета партии от 20 июня 1921 г.: «За последнее время духовенство ведет тонкую, подпольную агитацию среди крестьян и усиленно по селам и деревням устраивают молебны в пользу дождя, и на этот счет духовенство стало призывать к себе все больше крестьянских масс.

Все попы, можно сказать, уловили этот сухой период времени и с каждым днем и даже ночью стали молиться богу, чтоб господь дал дождя, и все граждане, которые посещают церковь и всевозможные молебны, распространяют нелепые слухи: вот, мол, засуха, а коммунисты не молятся богу, ясно, попы этому радуются, а на почве религиозных чувств попы, имея авторитет среди деревенской массы, стараются внести разложение среди населения» [19, с. 183].

Понимая сложность момента, ответственный секретарь комиссии по антирелигиозной пропаганде при Нижегородском Губкоме РКП Тархов в ноябре 1921 г. отмечал: «Коммунистическая партия должна вести свою работу без малейшего применения насилия, ибо борьба с предрассудками путем насилия, как это показывает опыт истории (религиозные войны), совершенно не рациональна. Она не приводит к ослаблению предрассудков, а наоборот укрепляет их» [4, л. 60–61 об.].

Голод в Поволжье 1921–1922 гг. на фоне не прекращавшихся попыток дезорганизации советской власти со стороны части духовенства привел к изменениям в государственной политике [24, с. 53–54]. В 1922 г. власть переходит к более жестким, хотя формально и не нарушавшим конституционных норм, мерам в отношении служителей церкви. Постановление ВЦИК об изъятии церковных ценностей 23 февраля 1922 г, которое открыло этот этап весной 1922 г., было продублировано на местном уровне. В совершенно секретном циркуляре Нижегородского Губкома РКП (б) об изъятии церковных ценностей 28 апреля 1922 г. подчеркивалось: «Наша партия и сейчас не намерена вмешиваться в дела церкви. Это, однако, не значит, что мы можем терпеть недопустимое самоуправство князей церкви и распоряжение народным добром, накопленным трудовыми массами России. Наша задача на местах должна использовать разногласия среди духовенства. Раскол церкви есть первая брешь в религиозной стене рабочих и крестьян... Но агитацию надо вести осторожно, не оскорбляя религиозных чувств масс и вести борьбу не вообще против религии и церкви, а *именно против реакционной части духовенства, борющегося с демократическими слоями служителей церкви*» [19, с. 262]. По-

литика «разделяя и властвуя», использование неоднородности отношения к новой власти применялись в качестве метода подчинения (привлечения) верующих к несопротивлению. Характерна оценка, данная в документе Нижгубкома за август 1922 г.: «Церковь православная колется очень успешно. Кроме "Тихоновской" и "живой" появилась новая, которую организует наш Нижегородский епископ Евдоким (теперь уже митрополит). Новая церковь, по его замыслу, должна быть на древне-трудовых началах и должна всех уравнивать. Очевидно, дело складывается так, что разброд мыслей среди духовенства будет неуклонно расти» [19, с. 273].

Для ликвидации влияния церкви на отношение населения к советской власти было решено организовать кампанию, якобы по инициативе самих рабочих и крестьян, о закрытии монастырей – центров религиозной жизни. Об этом говорилось в циркулярном письме Нижгубкома РКП в 1922 г.: «Если в вашем районе имеются монастыри, необходимо организовать кампанию постановлений рабочих и крестьянских собраний о закрытии этих монастырей и использовании их для нужд социального обеспечения, здравоохранения и просвещения» [19, с. 164–165]. С осени 1922 г особое внимание обращалось на необходимость усиления антирелигиозной пропаганды в виде научно-популярных лекций. Слово было сильным оружием в руках и церкви, и государства, поэтому советская власть старалась вступать в диспуты с представителями церкви силами хорошо образованных и подготовленных докладчиков: «К диспутам по-прежнему надо относиться осторожно и ставить их лишь при условии тщательной подготовки и достаточно сильных докладчиков коммунистах» [Там же].

Революция, что называется «по определению», сместила акценты национально-религиозной политики и ее восприятия населением. Причем «разлом» произошел не столько в межнациональной и межрелигиозной «плоскости», сколько в поколенческой, возрастной [5, с. 74]. Приведем характерную выдержку из доклада об обследовании работы драмкружка клуба имени Розы Люксембург, организованного в июне 1919 г. Еврей-

ской секцией Губкома РКП (б). Документ датирован 2–13 октября 1924 г.: «В первое время отношение к клубу со стороны еврейского населения было резко отрицательным. Клуб вызывал недоверие и опасения, что клуб разложит еврейскую массу и погубит еврейство как национальность. Старики удерживали молодежь от вступления в члены клуба, грозили проклятием и отречением. Но с течением времени взгляд изменился и теперь клуб при проведении кампаний может вместить всех желающих прослушать концерт или живую газету, или посмотреть инсценировку. Теперь частыми посетителями клуба являются и члены семей рабочих» [19, с. 133–134].

Традиция – вот на чем основывается религиозное сознание и поведение. Например, в протоколе губернского совещания работников среди национальных меньшинств Нижегородской губернии от 10 февраля 1926 г. говорилось: «В Сергачском уезде 5 волостей с татарским населением... в вопросах выявилось, что среди татарского населения «калым» живет до настоящего времени. Антирелигиозной пропаганды не ведется» [19, с. 137]. В докладе о состоянии работы по просвещению в Сергачском уезде за 1927 г. фиксировалось следующее: «Влияние духовенства в мордовском районе слабое, в татарском же районе влияние мусульманского духовенства по-прежнему сильно. В каждом селении 4–6 мечетей, 7–15 мулл... В татарскую же гущу новый порядок проникает туго (по-прежнему соблюдается Ураза). Наряду с этим приходится отметить и отрадные явления: рост общины (девушек и парней), заметно увеличивается общая школа» [19, с. 138].

Нетрудно заметить две взаимоисключающие, но диалектически соединенные тенденции: влияние духовенства на молодежь падает, а старшее поколение склонно сопротивляться нововведениям. В середине 1920-х гг. эта тенденция проявилась на нижегородчине в полной мере как среди православных, так и среди мусульман – представителей основных религий. В докладе «О деятельности мусульманского духовенства Нижегородской губернии» на расширенном заседании татарской секции агитпропотдела Губкома ВКП (б) говорилось: «Политическое влияние духовенства

на массы, безусловно, имеется и теперь. Значительная часть мусульманского духовенства занимаются политическими вопросами и активно ведут антисоветскую работу... В 1925 г. в деревне Собачьего острова Сергачского уезда по инициативе местного духовенства был организован поход против учительства и комсомольцев. Ночью нарочно разбили окна в 2-х мечетях, подняли тревогу, разжигали религиозное чувство масс, а эту вину свалили на учителей и комсомольцев, за что избили до полусмерти одного учителя-комсомольца и на следующий день собрали общий сход, где постановили удалить всех учителей из деревни» [19, с. 139–140].

В докладе отмечалась политическая окраска оценок советской власти со стороны ряда верующих: «В 1926 г. в деревне Ижболдах на собрании избирателей выступил Мустафа Арафжанов: "Граждане. Прежнее Черносотенное монархическое правительство не запрещало мусульманам вероучение и не облагало мулл налогом. Свободная советская власть не разрешает вероучения, я с болью в сердце призываю граждан просить на это ответа"» [19, с. 141]. Несмотря на такие, хоть и отдельные, но довольно резкие проявления религиозного антисоветизма, власть на протяжении 1920-х гг. сохраняла возможность не только отправлять религиозный культ, но и получать религиозное образование. Так, в секретной записке татарской секции агитационно-пропагандистского отдела в секретариат Нижгубкома ВКП (б) в 1927 г. констатировалось: «За последнее время заметно значительное оживление деятельности мусульманского духовенства и кулацко-торгашеского элемента среди татарского населения губернии... расширяется сеть религиозных школ до 50 единиц, в которых учатся до 967 человек молодежи, распространение религиозных книг и литературы» [19, с. 142].

С 1927 г. усложняется международная обстановка («военная тревога»), и власть начинает уделять повышенное внимание вопросам обороны. Начавшаяся в 1929 году кампания по коллективизации сельского хозяйства привела к усилению внимания власти к общественно значимым направлениям развития государства. В этих условиях все более проявляется тенденция к ограничению влияния ре-

лигиозных деятелей на жизнь и быт населения. В 1929 году началась продолжавшаяся вплоть до Великой Отечественной войны полоса закрытия как мечетей [22, с. 35], так и православных храмов. К этому процессу имели прямое отношение Исполкомы местных советов, которые посылали запросы о закрытии храмов на «подведомственных» территориях. Так, в 1932 г. Нижегородская Краевая комиссия по культам при президиуме Горьковского крайисполкома, созданная 5 июля 1931 г., провела 5 заседаний. В ходе этих заседаний был рассмотрен 51 вопрос о ликвидации молитвенных зданий и помещений. Из них 39 – по запросам районных исполнительных комитетов. При этом 89% ходатайств получили удовлетворение [19, с. 173]. Местные власти в качестве «низовой инициативы», помимо закрытия храмов, стали запрещать еще и колокольный звон как неприменимый атрибут религиозной жизни. Нижегородская краевая комиссия по культам отмечала «случаи запрещения колокольного звона, встречающиеся все чаще и чаще» [19, с. 176]. Напомним, что в статье «Головокружение от успехов» от 2 марта 1930 г. И.В. Сталин, критикуя излишнюю активность местных государственных и партийных органов в деле проведения коллективизации, отметил: ««Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, «революционерах», которые дело организации артели начинают со снятия с церкви колоколов. Снять колокола, – подумаешь какая революционность!» [23, с. 1]. В результате Нижегородская краевая Комиссия по культам просила центральные власти «спустить» на места «Положение о регулировании колокольного звона», но не получила ответа [19, с. 176]. В 1932 г. колокольный звон был запрещен только на время празднования Пасхи, поскольку, как и в 1921 г., этот праздник совпал с празднованием 1-го мая [Там же].

Имеющиеся данные позволяют с уверенностью констатировать, что советской власти не только не удалось ликвидировать религиозность взрослого населения, но и в полной мере «заместить» ее коммунистической идеологией в умах молодежи. На 1 января 1935 г. в 54 районах Горьковского края были зарегистрированы следующие религиозные объединения. «Тихоновское» направление:

количество обществ верующих – 1230, молитвенных зданий – 1121, служителей культа – 1272. «Обновленцы»: количество обществ верующих – 105, молитвенных зданий – 101, служителей культа – 111. Старообрядцы: количество обществ верующих – 125, молитвенных зданий – 65, служителей культа – 99. Мусульмане: количество обществ верующих – 43, молитвенных зданий – 43, служителей культа – 55 [20, с. 953–954].

Преемственность поколений в религиозных взглядах также было достаточно высока. Например, 23 февраля 1936 г. инспектором Народного Комиссариата Просвещения РСФСР было проведено обследование вопроса о влиянии религиозных обрядов на учащихся 1–х классов школы им. Ленинского комсомола г. Горького. В результате было выявлено, что «из 149 восьмилетних школьников четырех первых классов 96 человек уже успели побывать в церкви. Из них много раз бывали в церкви 52 человека, целовали кресты 49 ребят, есть в квартире иконы в семьях у 78 ребят, матери молятся у 43 ребят. Верующие родители запрещают своим детям быть пионерами» [20, с. 961].

Особенно активизировались, как их называют в документах власти, «церковники» после принятия Конституции 1936 г, статья 124 которой провозглашала свободу совести [6, с. 309]. К апрелю 1937 г. в Горьковской области функционировало свыше 1000 церквей. В период празднования религиозных праздников активность верующих возрастала. Так, в 1937 г. в Горьком верующие иудеи активно отметили еврейскую пасху: «частная пекарня по выпечке мацы работала в три смены силами 10 рабочих в продолжение 2,5 месяцев, все же не смогли удовлетворить всего спроса на мацу» [20, с. 959]. «Массовое празднование престольных праздников (Ильин день, Никола, Петров день, Казанская, масса других), не говоря уже о крупнейших религиозных праздниках, является характерным для многих районов области. В десятках колхозов в эти дни никакие хозяйственные работы не производятся, чем наносится огромный ущерб колхозному производству» [Там же], – говорилось в документе. Известный исследователь В.Т. Анисков в свое время утверждал:

«Война в основном застала крестьян атеистами в их абсолютном большинстве. Даже многие из тех, кто продолжал посещать церковь, совершать религиозные обряды, больше делали это в силу привычки, чем по убежденности» [1, с. 468]. Нам представляется, что без учета поколенческого фактора данное утверждение нельзя считать однозначно убедительным. Приведенные в данной статье аргументы, скорее, подтверждают выводы В.Н. Якунина о достаточно высоком уровне религиозности населения в условиях атеистического государства в конце 1930–х гг. [26, с. 7], если не оставлять без внимания возрастные особенности поколения.

Итак, советская власть основывалась на принципах диалектического материализма в марксистско-ленинском понимании, что определило ее негативное отношение к религии как к иррациональному способу объяснения мира. Поскольку большевики ставили своей задачей как раз построение нового общества, религиозный консерватизм и отрицание возможностей человека как преобразующей силы противоречили большевистскому мировоззрению. История – динамический процесс, который творится реальными людьми со свойственными им ошибками, субъективными характеристиками, которые относятся к определенному поколению, социальной сфере, профессиональной деятельности и т.д. Все эти характеристики должны учитываться при оценке тех или иных событий в рамках нашей темы.

Период 1917–1941 гг. был отмечен стремлением власти построить атеистическое государство, которое встретилось с естественным противодействием со стороны верующих – представителей старшего поколения. Интересно, что после Гражданской войны удалось добиться высокого уровня межрелигиозной толерантности, поскольку в качестве духовного «оппонента» выступало государство: это во многом «спланировало» представителей верующих. Все конфессии негласно объединялись в противодействии государственному атеизму по мере его активизации. Сложный характер взаимоотношений государства и верующих, как это не покажется парадоксальным, выразился в своеобразном «взаимопроникнове-

нии» традиционных ценностей: религиозных и светских, научных и иррациональных. Например, церкви трудно было отрицать успехи науки, имевшие место в XX веке, а идеалы религиозных откровений во многом воплотились в гуманистической теории социализма. Есть особый смысл в том, что лучшие представители советской цивилизации совершали героические поступки (особенно в годы Великой Отечественной войны), которые были близки

по духу любой традиционной религии России. В то же время нельзя не заметить, что все традиционные религиозные объединения занимали патриотическую позицию по отношению к защите государства, когда ему грозила опасность. В этом историческом феномене можно усмотреть результат непростого и трагического взаимодействия государства и верующих в период 1917–1941 гг.

Список литературы

1. **Анисков В.Т.** Крестьянство против фашизма. 1941-1945. История и психология подвига. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 502 с. <https://elibrary.ru/qosjdi>
2. **Архангельский С.И.** Локальный метод в исторической науке // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5: Foundation. – Ростов-н/Д., 2011. – С. 432–447.
3. **Васильева О.Ю.** Российская православная церковь и Октябрьская революция 1917 г. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1–2. – С. 12–29. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-12-29, <https://elibrary.ru/btjktk>
4. **Государственный Общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО).** – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1797.
5. **Ильязова Р.В.** Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918–1941 гг.: некоторые аспекты теории и практики (по материалам Ульяновской, Самарской губерний, Куйбышевской области) // Гасырлар авазы – Эхо веков: научно-документальный журнал. – 2018. – N. 2 (91). – С. 69–83. <https://elibrary.ru/yogpwp>
6. **Конституция СССР 1936 г.** // Ю.С. Кукушкин, О.И. Чистяков Очерки истории советской Конституции. – М.: Политиздат, 1987. – С. 285–313.
7. **Концепция когнитивной истории:** интеллектуальные источники, место в структуре современного гуманитарного знания, перспективы развития: Материалы круглого стола, посвященного 90-летию со дня рождения профессора Ольги Михайловны Медушевской [Электронный ресурс]. – URL: <https://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-44.pdf> (дата обращения: 13.01.2020).
8. **Ленин В.И.** Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – Т. 18. – С. 7–384.
9. **Музафарова Н.И.** Отношение советской власти к религии (1917–1939 годы) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – N. 1(21). – С. 44–50. <https://elibrary.ru/vqlyln>
10. **Нижегородская коммуна.** – 1921. – № 83. – 15 апреля.
11. **Нижегородская коммуна.** – 1921. – № 104. – 13 мая.
12. **Нижегородская коммуна.** – 1921. – № 109. – 19 мая.
13. **О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»** (Инструкция) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – М.: Б.и., – 1942. – С. 849–858.
14. **О праздновании 1-го мая. Циркуляр ЦК Российской коммунистической партии.** Москва, 8-го апреля 1921 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011370450/viewer/ (дата обращения: 24.01.2020).
15. **О реквизициях и конфискациях.** Декрет СНК РСФСР от 3 января 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М.: Б.и. – 1944. – С. 61–68.
16. **О свободе совести, церковных и религиозных обществах.** Декрет СНК РСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/80687?ysclid=mk5d831z4167529124> (дата обращения: 08.12.2025).
17. **Об отделении церкви от государства и школы от церкви.** Декрет СНК РСФСР от 23 января (5 февраля) 1918 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/111398?ysclid=mk5dbe7frw991708788> (дата обращения: 08.12.2025).
18. **Об условиях проезда увольняемых в отпуск на пасхальные каникулы студентов** Рабочих Факультетов и высших учебных заведений. Постановление Совета Труда и Оборона от 20 апреля 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. – М.: Б.и., – 1944. – С. 308–309.
19. **Общество и власть.** Российская провинция 1917 – середина 1930-х годов. – М.-Нижний Новгород: Б.и, 2002. – Том 1. – 634 с.
20. **Общество и власть.** Российская провинция. 1930 г. – июнь 1941 г. – М.-Нижний Новгород: Б.и., 2005. – Том 2. – 1147 с.
21. **Орлов И.Б.** Советское государство и Церковь в 1920-е годы: проблемы и перспективы сотрудничества // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Ярославль, 26 июня 2015 года / Под. ред. Ю.Ю. Иерусалимского. – Ярославль, 2016. – С. 420–436. <https://elibrary.ru/vzfowr>
22. **Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н.** История исламских общин Нижегородской области. – Н. Новгород: ННГУ, 1998. – 549 с. <https://elibrary.ru/tbmosz>
23. **Сталин И.В.** Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Правда. – 1930. – 2 марта.
24. **Старикова Е.П.** Голод 1921–1922 гг. и изъятие церковных ценностей (на материалах Марийского края) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – Вып. 2 (63). – С. 53–64. DOI: 10.15382/sturI201563.53-64, <https://elibrary.ru/tqstrz>
25. **Хмуркин Г.Г.** Сколько священнослужителей РПЦ погибло в 1917–1926 гг. // Вопросы истории. – 2019. – №10. – С. 178–198. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi20, <https://elibrary.ru/qzduok>
26. **Якунин В.Н.** Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. – Самара, 2003. – 39 с. <https://elibrary.ru/vaftnv>
27. **Янушевич И.И.** Формирование системы насаждения атеизма в СССР // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. – 2022. – №1. – С. 81–87. <https://elibrary.ru/foqqow>

References

1. **Aniskov V.T.** Krest'yanstvo protiv fashizma. 1941-1945. Istoriya i psixologiya podviga. – M.: Pamyatniki istoricheskoy my'sli, 2003. – 502 s. <https://elibrary.ru/qosjdj>
2. **Arxangel'skij S.I.** Lokal'ny'j metod v istoricheskoy nauke // Cogito. Al'manax istorii idej. Vy'p. 5: Foundation. – Rostov–n/D., 2011. – S. 432–447.
3. **Vasil'eva O.Yu.** Rossijskaya pravoslavnaya cerkov' i Oktyabr'skaya revolyuciya 1917 g. // Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. – 2019. – № 1–2. – S. 12–29. DOI: 10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-12-29, <https://elibrary.ru/btjktk>
4. **Gosudarstvenny'j Obshhestvenno-politicheskij arxiv Nizhegorodskoj oblasti (GOPANO).** – F. 1. – Op. 1. – D. 1797.
5. **Il'yazova R.V.** Antireligioznaya propaganda v SSSR v 1918–1941 gg.: nekotory'e aspekty` teorii i praktiki (po materialam Ul'yanovskoj, Samarskoj gubernij, Kujby'shevskoj oblasti) // Gasy'rlar avazy` – E'xo vekov: nauchno-dokumental'ny'j zhurnal. – 2018. – N. 2 (91). – S. 69–83. <https://elibrary.ru/yoqppw>
6. **Konstituciya SSSR 1936 g.** // Yu.S. Kukushkin, O.I. Chistyakov Ocherki istorii sovetskoj Konstitucii. – M.: Politizdat, 1987. – S. 285–313.
7. **Koncepciya kognitivnoj istorii:** intellektual'ny'e istochniki, mesto v strukture sovremenno go humanitarnogo znaniya, perspektivy` razvitiya: materialy` kruglogo stola, posvyashhennogo 90–letiyu so dnya rozhdeniya professora Ol'gi Mixajlovnj` Medushevskoj [E'lektronny'j resurs]. – URL: <https://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-44.pdf> (data obrashheniya: 13.01.2020).
8. **Lenin V.I.** Materializm i e'mpiriokriticizm // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. – M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury`, 1968. – T. 18. – S. 7–384.
9. **Muzafarova N.I.** Otnoshenie sovetskoj vlasti k religii (1917–1939 gody`) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». – 2016. – N. 1(21). – S. 44–50. <https://elibrary.ru/vqtyln>
10. **Nizhegorodskaya kommuna.** – 1921. – № 83. – 15 aprelya.
11. **Nizhegorodskaya kommuna.** – 1921. – № 104. – 13 maya.
12. **Nizhegorodskaya kommuna.** – 1921. – № 109. – 19 maya.
13. **O poryadke provedeniya v zhizn` dekreta «Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly` ot cerkvi» (Instrukciya) // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg.** – M.: B.i., – 1942. – S. 849–858.
14. **O prazdnovanii 1-go maya.** Cirkulyar Czk Rossijskoj kommunisticheskoy partii. Moskva, 8-go aprelya 1921 g. [E'lektronny'j resurs]. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_011370450/ viewer/ (data obrashheniya: 24.01.2020).
15. **O rekviziciyax i konfiskacijax.** Dekret SNK RSFSR ot 3 yanvarya 1921 g. // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1921 g. – M.: B.i. – 1944. – S. 61–68.
16. **O svobode sovesti, cerkovny'x i religiozny'x obshhestvax.** Dekret SNK RSFSR ot 20 yanvarya (2 fevralya) 1918 g. [E'lektronny'j resurs]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/80687?ysclid=mk5d831z4167529124> (data obrashheniya: 08.12.2025).
17. **Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly` ot cerkvi.** Dekret SNK RSFSR ot 23 yanvarya (5 fevralya) 1918 g. [E'lektronny'j resurs]. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/111398?ysclid=mk5dbe7frw991708788> (data obrashheniya: 08.12.2025).
18. **Ob usloviyax proezda uvol'nyaemy'x v otpusk na paxal'ny'e kanikuly` studentov** Rabochix Fakul'tetov i vy'sshix uchebny'x zavedenij. Postanovlenie Soveta Truda i Oborony` ot 20 aprelya 1921 g. // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1921 g. – M.: B.i., – 1944. – S. 308–309.
19. **Obshhestvo i vlast`.** Rossijskaya provinciya 1917 – seredina 1930-x godov. – M. – Nizhnij Novgorod: B.i, 2002. – Tom 1. – 634 s.
20. **Obshhestvo i vlast`.** Rossijskaya provinciya. 1930 g. – iyun` 1941 g. – M. – Nizhnij Novgorod: B.i., 2005. – Tom 2. – 1147 s.
21. **Orlov I.B.** Sovetskoe gosudarstvo i Cerkov' v 1920–e gody`: problemy` i perspektivy` sotrudnichestva // E'poxa knyazya Vladimira i razvitie Rossijskoj gosudarstvennosti: Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Yaroslavl', 26 iyunya 2015 goda / Pod red. Yu.Yu. Ierusalimskogo. – Yaroslavl', 2016. – S. 420–436. <https://elibrary.ru/vzfowr>
22. **Senyutkin S.B., Idrisov U.Yu., Senyutkina O.N., Guseva Yu.N.** Istoriya islamskix obshhin Nizhegorodskoj oblasti. – N. Novgorod: NNGU, 1998. – 549 s. <https://elibrary.ru/tbmosz>
23. **Stalin I.V.** Golovokruzhenie ot uspehov. K voprosam koloznogo dvizheniya // Pravda. – 1930. – 2 marta.
24. **Starikova E.P.** Golod 1921–1922 gg. i iz'yatie cerkovny'x cennostej (na materialax Marijskogo kraja) // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. – 2015. – Vy'p. 2 (63). – S. 53–64. DOI: 10.15382/sturII201563.53-64, <https://elibrary.ru/tqsrst>
25. **Xmurkin G.G.** Skol'ko svyashhennosluzhitelej RPCz pogiblo v 1917–1926 gg. // Voprosy` istorii. – 2019. – №10. – S. 178–198. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi20, <https://elibrary.ru/qzduok>
26. **Yakunin V.N.** Pravovoj status, polozhenie, deyatel'nost`, vneshnie svyazi Russkoj pravoslavnoj cerkvi v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945: Avtoref. diss... d-ra ist. nauk. – Samara, 2003. – 39 s. <https://elibrary.ru/vaftnv>
27. **Yanushevich I.I.** Formirovanie sistemy` nasazhdeniya ateizma v SSSR // Vestnik Poloczskogo gosudarstvenno go universiteta. Seriya A. – 2022. – №1. – S. 81–87. <https://elibrary.ru/foqqow>

Информация об авторах

Сомов Владимир Александрович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории международных отношений федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор кафедры теории и истории права, государства и судебной власти Приволжского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6322-6221>, Web of Science ResearcherID: DB-7495-2014, Scopus ID: 56740762100 SPIN-код: 8926-0154, AuthorID: 170623, somoff33@yandex.ru

Егоров Геннадий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и политики России федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Российская Федерация, AuthorID: 317354, SPIN-код: 9735-7058, egorov.gennadiy@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir A. Somov, Dr. Sci (History), docent, professor at the Chair of History and Theory of International Relations at National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, professor at the Chair of Theory and History of Law, State and Judicial Authority at Volga Region branch of Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6322-6221>, Web of Science ResearcherID: DB-7495-2014, Scopus ID: 56740762100 SPIN-code: 8926-0154, AuthorID: 170623, somoff33@yandex.ru

Gennadiy V. Egorov, Ph.D., (History), docent, docent at the Chair of Russian History and Politics at National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, AuthorID: 317354, SPIN-code: 9735-7058, egorov.gennadiy@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2025

Поступила после рецензирования 20.01.2026

Принята к публикации 07.02.2026

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Received 27.12.2025

Revised 20.01.2026

Accepted 07.02.2026

The authors have read and approved the final manuscript.

Для цитирования: **Сомов В.А., Егоров Г.В.** Власть и верующие в Советской России в 1920-1930 гг. в контексте локального подхода // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2026. – №1 (38). – С. 40-50.

For citation: **Somov V.A., Egorov G.V.** Power and believers in Soviet Russia in the 1920-1930s in the context of a local approach // Humanities researches of the Central Russia. – 2026. – №1 (38). – P. 40-50.

DOI 10.24412/2541-9056-2026-138-40-50